

прольем кровь, а пахать ее другим не дадим...". Следуют подписи уполномоченных общества Большой Талинки, Тамбовской губернии¹⁾. Если бы крестьяне считали, что они сами по закону могут запретить помещику сдавать в аренду или продавать землю, то такое обращение не имело бы смысла.

Крестьяне несомненно понимали, что с точки зрения Временного правительства и эс-эров всякая борьба против помещиков есть незаконие. И если крестьяне старались представить свои действия как действия, не расходящиеся с законами правительства, то это есть такой же несознательный маневр, как тот, что, мол, „земля ничья, а божья“, зная, что не бог будет сеять и жать на этой земле, а они, крестьяне. Крестьяне несомненно понимали политику эс-эров и Временного правительства, которые, кстати сказать, и не скрывали ее, а энергично и открыто проповедывали среди крестьян и которая была зафиксирована в протоколах всех съездов крестьян. И если крестьяне в той или другой форме нарушали постановления этих съездов, то органы Временного правительства и эс-эров немедленно же посылали своих представителей для разъяснения крестьянам неправильности их действий. „Первые дни революции—пишет в своем донесении комиссар Курского уезда—в уезде было спокойно, но за последние два месяца в некоторых местах уезда возник ряд недоразумений между землевладельцами и крестьянами: волостные и сельские комитеты сделали постановления об отобрании земли у землевладельцев, запрещали им продавать скот, инвентарь, иметь постоянных служащих в экономиях и т. д. В таких случаях бюро уездного комитета и также Совет солд., рабочих и крестьянских депутатов командируют на места своих членов для

¹⁾ АОР, ф. 398-I, д. № 70, л. 108.